Для цитирования: Нехамкин В. А. Модели роли личности в истории: достижения и пределы // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 24–33.

УДК 123; 321.1

МОДЕЛИ РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

В статье автором реконструируются модели решения проблемы роли личности в истории, сформировавшиеся в историософии: субъективистская, объективистская, синергетическая (бифуркационная), «вызов-и-ответ». Выделяются их структура, сильные и слабые положения, эвристический потенциал, перспективы. Прослеживается связь между моделями роли личности в истории и сменой типов научного знания (от классической науки к неклассической). В работе делается вывод о необходимости синтеза базовых положений различных рассмотренных моделей как важном условии адекватного решения проблемы роли личности в истории. Автором для достижения целей статьи используется комбинация методов моделирования, синтеза, структурно-функционального анализа. Статья адресована философам, антропологам, религиоведам, историкам, социологам, представителям иных гуманитарных дисциплин, интересующимся указанной проблемой и ее приложениями к общественно-политической и экономической практике. Также она будет полезна для развития науки о власти (кратологии).

Ключевые понятия:
модель,
личность,
великая личность,
проблема роли личности в истории,
историософия.

Введение

Проблема роли личности в истории, суть которой сводится к определению значения того или иного конкретного лица (как правило, правителя, политика, военачальника, реже – деятеля культуры) в историческом процессе, уходит корнями в становление философии истории (историософии). Хотя формально последняя возникает в Европе во второй половине XVIII века, но реально данный вопрос волновал философов и историков, начиная с античности. Такая ситуация закономерна. На эмпирическом уровне мыслители наблюдали разнообразных исторических персонажей (порой, обличенных значительной политической или духовной властью), видели воздействие данных людей на события прошлого, их трансформацию. Имена Александра Македонского, Гая Юлия Цезаря символизировали величие какой-либо державы, а Калигулы, Нерона – ее упадок. Отсюда еще в древности появлялись персонально окрашенные труды, отражавшие возрастание влияния того или иного правителя на ход истории («Жизнь двенадцати Цезарей» Гая Светония Транквилла, «История Александра Македонского» Квинта Курция Руфа, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха), да и в иных работах, имевших нейтральные наименования («История» – у Геродота и Фукидида, «Анналы» Тацита, «История Рима от основания Города» Тита Ливия), немалое место занимали рассказы о деяниях конкретных властных персон. Подобные традиции можно проследить и в Средние века, Новое время. В итоге в философии истории к XVIII веку накопился немалый материал, свидетельствующий о значительном влиянии отдельных персонажей на становление исторического процесса. Он продолжил обобщаться и в XIX–XX веках мыслителями, многих из которых «захватила» колоритная фигура императора Франции Наполеона Бонапарта.

Однако на теоретическом уровне (в отличие от эмпирического) дела обстояли не столь блестяще. К возникновению философии истории более-менее сформировалась только субъективистская (чаще именуемая волюнтаристской) точка зрения о роли личности в истории. Противоположная ей объективистская концепция (не считая ее теологически-христианской версии) создается только в XIX веке. В XX веке на базе неклассической науки формируется синергетическая модель роли личности в истории, имеющая до сих пор относительно незаконченный характер. Подобное суждение отно-

сится и к модели «вызов-и-ответ» А. Тойнби, примененной к исследуемому вопросу. Причем в четком виде положения каждой из перечисленных теоретических конструкций не сформулированы, что создает дополнительные методологические трудности. Ситуация осложняется тем, что некоторые специалисты высказывают даже пессимизм относительно возможности «однозначного решения» указанной проблемы [23, с. 150], а другие (то ли в пику советскому периоду, где данный вопрос в его марксистской трактовке и с неизбежной критикой иных позиций включался в любой учебник по философии [5, с. 373–385], то ли по иным причинам) – вообще исключают его из учебных пособий по философии истории [7; 30].

Между тем вопрос определения роли личности в истории носит комплексный характер, он тесно связан с иными проблемами философии истории, определяет способы их решения. Так, при поиске движущих сил исторического процесса «влиятельный» субъект выступает одной из них; при выявлении законов истории он является важным звеном исторических трансформаций; при определении смысла истории задает (представляет для широких масс, манифестирует собой) парадигму развития социума (например, в XX веке в СССР идеологией являлся марксизм-ленинизм, в КНР – маоизм и т. д.); используется при реконструкции альтернативных вариантов исторического развития (ибо великая личность, наряду с событиями, выступает объектом контрфактического моделирования прошлого). Стоит заметить, что значимый исторический субъект является (помимо макросоциальных формационного, цивилизационного, мир-системного, постиндустриалистского подходов) одним из критериев периодизации прошлого [1], варианты которого тоже оценивают историософы.

Вопрос о роли личности в истории имеет не только теоретический, но и прагматический аспект. Он позволяет выявить пределы творчества, деятельности (базирующегося на властных полномочиях или духовном влиянии) того или иного лица в историческом процессе, а значит, показывает способы соотношения социума и власти в конкретные периоды прошлого и в настоящем.

Отсюда, исходя из теории и практики, возникает необходимость поставить в работе следующую цель: реконструировать (объединив в группы частные концепции) модели решения вопроса о роли личности в истории, оценить эвристический потенциал, наметить перспективы совершенствования каждой из них.

Отмечу, что модель как теоретическая конструкция в философии истории включает ряд элементов [14]. Из них применительно к данной проблематике выделим следующие. Во-первых, предпосылку, на основе которой модель строится. Во-вторых, базовые положения. В-третьих, выводы относительно места исторических персонажей с позиции гносеологии – в системе интерпретации (объяснения) прошлого и онтологии (в историческом процессе).

Следует также пояснить читателю, что в работе в качестве базовых используются следующие методы: моделирования (как универсальный), синтеза (для объединения ряда частных концепций в модель из-за присутствия в них общих положений), структурно-функционального анализа (для выявления морфологии и перспектив моделей).

Субъективистская модель роли личности в истории

Субъективистская модель роли личности в истории возникла, видимо, с глубокой древности. Кроме некоторых античных и средневековых историков, ей отдали дань такие философы, как П. А. Гольбах, Ф. Ницше, Т. Карлейль, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский и др. В философии истории часто подобные воззрения именуются еще и волюнтаризмом, согласно которому «великая личность» творит любые потребные ей действия в истории. Примечательно, что данный термин используется и в политическом смысле, как проявление крайнего субъективизма руководителя (подобное «обвинение» предъявлено Пленумом ЦК КПСС правителю СССР Н. С. Хрущеву как один из аргументов для его отставки, досрочного прерывания властных полномочий в октябре 1964 года).

Предпосылка указанной модели носит эмпирический характер. На уровне событийной истории очевидно, что наделенный властью человек (а именно его ассоциировали преимущественно с великой личностью мыслители) отдает распоряжения, которые выполняются подчиненными. Таких людей на протяжении истории было немало: Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь, Карл Великий, Петр I, Наполеон I (служивший образцом для множества историософских обобщений), В. И. Ленин, И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль, А. Гитлер (ставший самым мрачным правителем–персонажем XX в. для мыслителей). Отсюда вполне логично суждение средневекового историка Иордана, который, оценивая битву на Каталунских полях 451 года,

унесшую множество жизней, делает очевидный вывод: «Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов» [8, с. 98].

Основные положения субъективистской модели, на мой взгляд, следующие. Во-первых, великая историческая личность (правитель-монарх-полководец, иногда – деятель культуры) способна кардинально повлиять на ход истории в какую-либо сторону (как правило, фиксировалась положительная). Во-вторых, если личность выступает активной стороной исторических трансформаций, то народ (массы) – пассивной, ждущей манифестации (проявления) ее воли. В-третьих, изучать в прошлом надо историю не народов, а «великих людей». Суть тезиса прекрасно выразил Ф. Ницше: «Массы представляются <...> достойными внимания только в трёх отношениях: прежде всего как плохие копии великих людей <...> как противодействие великим людям и, наконец, как орудие великих людей; в остальном же побери их чёрт и статистика!» [22, с. 219]. В-четвертых, только идеи «великих людей» могут осуществиться на практике. Как замечал Т. Карлейль, «*всё*, *содеянное в этом мире* (курсив мой – *В. Н.*), представляет материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям. История последних составляет... душу всей мировой истории» [12, с. 6]. Значит, они – подлинные преобразователи мира.

Однако у субъективистской модели роли личности в истории имелись и недостатки. Во-первых, подобный значительный человек не всегда достигал поставленных целей. Как ни хотел Александр Македонский продолжать завоевание Индии, но армия потребовала прекращения похода в 326 г. до н. э., через год после его начала. Причем, согласно К. К. Руфу, аргументы противников войны сводились к следующему: «*Этот замысел достоин твоего гения, но он не по нашим силам* (курсив мой – *В. Н.*). ...Посмотри на наши обескровленные тела, пробитые множеством ран с гниющими рубцами на них. Оружие наше притупилось, не хватает средств защиты...» [13, с. 206]. Жалобы солдат, военачальников не прекращались. Плутарх сообщает о реакции на них царя: «Александр заперся в палатке и долго лежал там в тоске и гневе. <...> Он <...> считал, что возвращение назад (на данном этапе похода в Индию – *В. Н.*) было бы открытым признанием своего поражения. *Но так как друзья приводили ему разумные доводы, а воины плакали у входа в палатку* (курсив мой – *В. Н.*), Александр смягчился и решил сняться с лагеря» [25, с. 423].

Сходная ситуация сложилась и в апреле 1814 г. во Франции, где Наполеону, желавшему дальнейшей войны с войсками коалиции Австрии, Пруссии, России, Великобритании после занятия ими столицы страны Парижа (31 марта), пришлось отречься от престола под влиянием аргументов приближенных сановников и военачальников. Впрочем, император Франции, в отличие от Александра Македонского, не отмалчивался наедине, а оставил «оппонентам» такое «пожелание», знаменующее его видение места человека в истории: «Вы хотите покоя – вы получите его... Мир, которого вы желаете, скосит на ваших пуховых постелях скорее и больше людей из вашей среды, чем скосила бы война на бивуаках».

Так что великая личность подчас оказывалась жертвой обстоятельств, не в силах была изменить их, как и обычный человек.

Во-вторых, деятельного (значительного) персонажа, как правило, сменяли более посредственные натуры (например, в России между императорами Петром I и Екатериной II, названных «Великими», прошел целый ряд гораздо менее ярких правителей).

В-третьих, от «кипучей» деятельности великого человека, стремящегося к бесконечному преобразованию общества и мира, активно ведущего войны и проводящего реформы, народ просто в конце концов устает и предпочитает более «спокойного» правителя, чем Александр Македонский, Петр I, Наполеон, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев.

Кроме того, сторонники субъективистского подхода далеко не всегда учитывают и другой факт: действия наделенной властью великой личности могут приводить и к отрицательным последствиям для общества и человечества в целом.

Наконец, поступки великого человека встречают не только одобрение, но противодействие современников [11, с. 551], а значит, не полностью отвечают интересам социальной действительности.

Подобные теоретические и эмпирические возражения, противоречия (а также переход в Новое время к классическому типу научного знания) заставили многих специалистов отказаться от субъективизма.

Объективистская модель роли личности

Объективистская модель роли личности в истории исходит из того, что субъект, принимающий важные решения, частично

или полностью зависим от самостоятельно (помимо его воли) сложившихся структур, факторов исторического процесса. Его предпосылка состоит в том, что «один в поле не воин», т. е. личность не может в одиночку, без поддержки структур, осуществлять какие-либо великие деяния, а ее возможности полностью определяются социумом. Как утверждает Г. Спенсер, «Цезарь никогда не мог бы совершить своих завоеваний без дисциплинированного войска, наследовавшего свою славу, свою тактику и организацию от римлян, которые жили до него» [цит. по: 11, с. 59], и примеров подобного положения дел можно привести много. Такой точки зрения придерживались социологи (Г. Спенсер, К. Маркс, Ф. Энгельс), философы (Г. Гегель), писатели (Л. Н. Толстой).

Ядро объективистского подхода, по моему мнению, составляют следующие положения. Во-первых, принцип **полной структурной детерминации**: деятельность великого человека целиком определяется «работой» иных, внешних по отношению к нему факторов.

Во-вторых, **принцип взаимной заменимости**. Любой считающийся великим человек (скажем, правитель) вполне (без «вреда» для определяемых данными факторами исторических структур) заменяется на другого.

В-третьих, принцип **персонального соответствия человека и фактора**. Пока данная личность своими деяниями способствует реализации определенного структурного параметра на практике, она сохраняет власть. Однако обязательно начинается и период противоречия их интересов. Тогда субъект уходит с исторической арены (в небытие или частную жизнь). Параметр задает своеобразный цикл реализации роли личности: появление в ответ на потребность исторических условий (структур) – приход к верховной власти – успешная деятельность – противоречие между личностью и структурами – их углубление – нейтрализация личности.

В-четвертых, **принцип символизации**: великая личность – лишь персональное выражение деятельности стоящего за ней народа. Его субъективное влияние на коллективную волю людей ничтожно. Вспомним позицию Л. Н. Толстого (высказанную в начале III тома романа «Война и мир»): если бы все капралы армии Наполеона разом отказались бы служить, похода французов на Россию в 1812 г. не было бы.

Таковы общие положения, в той или иной форме воспроизводящиеся в частных объективистских концепциях относительно роли личности в истории. Однако между ними существовали и отличия. Они касались факторов (структур), определявших действия «великого» субъекта. Во-первых, ими выступали сверхъестественные силы. В работах Бл. Августина, И. Флорского и других теологов говорилось о том, что Бог видит праведность и греховность земных правителей. Отсюда Он, проявляя заботу о сотворенном мире, периодически одних из них карает, а других, наоборот, «спасает» (провиденциализм). Эта «теория» нашла широкое распространение в Средние века. Так, Анна Комнина именно заступничеством «высшей божественной силы» объясняет сохранение жизни ее отцу, будущему правителю Византии Алексею Комнину, когда он уснул в присутствии конвоируемого в Константинополь и вооружившегося после этого «варвара» Вриенния [15, с. 69].

Во-вторых, личностью руководит и другая идеальная субстанция – выявленный Г. Гегелем Мировой Дух. Он использовал для достижения своей цели (расширения уровня осознания людьми свободы) каждого человека (Г. Гегель назвал процесс «хитростью разума»). Конечно, Мировой дух периодически «пользовался» и великими личностями, их кипучей преобразовательной энергией. Какой-то период их отношения носят характер тесного взаимодействия. Затем человек отыгрывает свою роль, становится ненужным Мировому Духу. Тогда такие люди «отпадают, как пустая оболочка зерна» [3, с. 82–83]. Александр Македонский умер в 33 года, Гая Юлия Цезаря – убивают противники, Наполеон после всех ранее одержанных побед оказывается в ссылке на острове св. Елены, где находит смерть.

В-третьих, духовно-материальная сила: народ. Данный фактор играет ключевую роль в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Писатель полностью отрицает влияние на события начала XIX века военачальников, правителей времен наполеоновских войн. Царь для него – «раб истории», под которой понимается «роевая бессознательная жизнь человечества» [29, с. 10]. Люди обладают индивидуальной волей, складывающейся в коллективные представления, из которых вытекают действия. Именно потому, что москвичи не мыслили для себя возможным жить в оккупированном врагом городе, они и покинули Москву в 1812 г. Победа же над французской «Великой армией» обусловлена тем, что поднялась «дубина народной войны», которая «работала» до тех пор, пока «не погибло все нашествие».

В-четвертых, марксисты (в лице основателей учения) наиболее важным фактором, нивелирующим роль великой личности, считали экономический базис общества. Они синтезировали практически все базовые положения объективизма в следующем классическом высказывании Ф. Энгельса: «То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появился в определённое время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится... Что Наполеон, именно этот корсиканец был тем военным диктатором, который стал необходимым Французской республике... − это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой» [31, с. 175−176].

В марксизме в специфическом варианте нашла выражение и позиция Л. Н. Толстого о решающей роли народа (вопреки «бессильной» личности) в истории. В советской версии исторического материализма 1970-х гг. в пику субъективизму даже предложен особый закон «роста влияния народных масс в истории» [5, с. 371–373].

Однако объективизм имел и серьезные недостатки. Во-первых, игнорирование (или признание несущественным для структурных элементов социума) возможности иного развития исторических событий при замене личности. Тезис активно критиковался философами (Ж.-П. Сартр) и историками (А. Я. Гуревич) в XX веке [см.: 6, с. 34–35]. (Нет гарантии, что занявший место Наполеона, скажем, генерал Ж. В. Моро тоже предпринял бы поход на Россию в 1812 г. Последнее повлекло бы иной ход европейской истории начала XIX столетия и довольно спорно, что такое течение событий никак не повлияло бы на экономический базис общества). Во-вторых, великая личность превращалась в полного, бесправного «раба» внешних сил, который не может даже осознать свою зависимость от них. В-третьих, ей отводилась роль марионетки, не обладающей никаким влиянием, что тоже противоречило историческим реалиям.

Синергетическая (бифуркационная) модель роли личности в истории

Субъективистская (волюнтаристическая) и объективистская модели решения проблемы роли личности в истории выступали крайними точками (позициями), они исходили из жесткого противопоставления личности и общества, его структур (духовных, политических, экономических и т. д.), однозначного детерминизма. Для классической науки такая ситуация выступала приемлемой. Однако в XX в. постепенно формируется неклассическая версия научного знания, проникшая в историческую науку, иные гуманитарные дисциплины, философию истории (историософию). Отсюда новый поиск вариантов решения проблемы роли личности в истории начинает строиться на базе важного междисциплинарного направления научного познания – синергетики.

Укажем суть данного подхода. Развитие любых систем мыслится синергетикой (по крайней мере, в наиболее популярной ныне версии И. Пригожина) как переход от хаоса к порядку, от систем неравновесных (где по начальным данным в принципе нельзя предвидеть дальнейшего состояния становления объекта) к равновесным (устойчивым). Здесь неизбежно возникает переходное состояние, именуемое «точкой бифуркации» (хотя современные специалисты используют и иные специфические термины – «критическая точка истории», «узловая точка истории», «историческая развилка», «точка полифуркации» и т. п. − не отличающиеся от исходного по содержанию). В нем «состояние системы теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов функционирования» [27, с. 11]. В данной «точке» содержатся варианты (от двух и более) становления системы. Один из них (благодаря воздействию случайного фактора) реализуется на практике, что делает эволюцию неравновесной системы принципиально непредсказуемой. «В этих точках самое полное знание не даст нам возможность вычислить то, что произойдет» [27, с. 11].

В бифуркационных состояниях социума личность проявляет максимальную активность. Ее усилия могут стать тем случайным решающим фактором (на языке синергетиков − флуктуацией), или «соломинкой», которая «переломит хребет верблюду», переведет историю на один из вариантов, существующих в данной точке. Чаще всего сторонники такой модели любят приводить в пример действия В. И. Ленина в 1917 г. в России, но этим случаем дело не ограничивается. Поиск «персонально» окрашенных исторических развилок (точек бифуркации), где роль отдельного человека оказывается крайне высокой, – одно из любимых занятий некоторых отечественных публицистов [17], историков и философов, начиная с 1990-х годов [10]. От констатации эмпириче-

ского разнообразия таких случаев сторонники синергетического подхода переходят к теоретическим обобщениям. «В состоянии бифуркации социальная система становится неустойчивой относительно альтернативных путей преобразования: даже действия отдельного человека могут *существенно влиять* (курсив мой – *В. Н.*) на ее развитие» [4, с. 9]. Значит, целесообразно говорить о некоторой закономерности: роль великой личности возрастает в рамках переходного состояния прошлого. Более того, у сторонников синергетики на место значительного исторического персонажа может претендовать не только правитель-полководец (т. е. человек, обладающий политической или военной властью), а деятель культуры. Так, И. Пригожин в предисловии к работе Э. Ласло «Век бифуркации» подчеркнул, что событие – такое происшествие, которое не может быть «предсказано детерминистически». Отсюда для него предвидимое наукой перемещение Земли в определенную точку «околосолнечной орбиты» не имеет большого значения, а вот «рождение Моцарта стало событием в истории западной Музыки» [цит. по: 16, с. 4]. При таком подходе случайное появление на свет гениального композитора В. А. Моцарта важнее не только в сравнении с политиками (военачальниками) его времени, но и с константным (закономерным) движением небесных светил! Хотя у И. Пригожина есть и иные утверждения, нивелирующие роль великой личности в истории [26, с. 53–54], ясно, что для синергетического подхода к прошлому значение конкретного лица как фактора, ведущего к флуктуациям в точке бифуркации, существенно возрастает. Стоит приветствовать здесь и расширение круга исторических персон за счет деятелей культуры, а не только политиков, полководцев.

Затем, по завершении состояния бифуркации, на короткий (с позиции исторического времени) период равновесие восстанавливается, чтобы смениться новым хаосом. Это время стабильности, повторяемости, константности. Действия исторических личностей здесь отличаются однообразием. Сторонников синергетики, осмысливающих прошлое, «поражает наличие похожих сценариев действий исторических лиц. Иногда кажется, что актеры играют один и тот же спектакль среди новых декораций» [9, с. 64]. Короче говоря, скучно: ничего принципиально нового, оригинального от исторических личностей в состоянии равновесия не дождешься, они монотонно играют свой «спектакль». Потом хаос вновь возвращается, и тогда на арене прошлого становится гораздо интереснее.

В итоге история России XX века рисуется последователю такого подхода Э. Ласло следующим образом: «Внутренний распад и проигранная война в 1917 году привели Россию за порог стабильности. Система распалась, и из хаоса «Великой Октябрьской Социалистической Революции» возник В. И. Ленин и неожиданный для всех марксистский режим большевиков − тот самый, который распался в 1991 году в результате другой неожиданной бифуркации» [16, с. 16]. Тем самым историческое развитие мыслится сторонниками синергетики в виде своеобразного цикла: Хаос (неравновесие) – Точка бифуркации – Порядок (равновесие) – Новый Хаос, где на каждом этапе степень влияния «великого» человека различна.

Оценивая синергетический подход к вопросу о роли личности в истории, следует отметить, что он сделал шаг вперед по сравнению с предшественниками: субъективизмом и объективизмом. Произошел своеобразный синтез обеих позиций. Личность (включая сюда самый широкий круг лиц) получила «права» на почти неограниченное историческое творчество в точке бифуркации, исторические структуры – за их пределами «руководили» историческими персонажами в период господства равновесных систем. Учитывая, что «порядок» и «хаос» постоянно меняются в природе и социальной истории местами, субъективизм и объективизм как теоретические конструкции оказывались как бы по-своему правы, дополняя друг друга почти по знаменитому принципу Н. Бора.

Обратим внимание и на другой, методологический аспект: тезис о решающем влиянии личности на ход истории в точке бифуркации «покинул» пределы собственно синергетики, исторической науки, философии. Он получил распространение уже в междисциплинарных социальных теориях: например мир-системном анализе, где позиция поддерживается И. Валлерстайном и его последователями [2, с. 12-15].

Тем самым синергетика и ее последователи создали специфическую модель роли личности в истории, базирующуюся на достижениях неклассической науки. Предпосылка – теоретическая: тезис о том, что любая система постоянно проходит в своем становлении периоды хаоса, упорядочения на базе самоорганизации, возникновения точки бифуркации, перехода системы в состояние равновесия (порядка) до нового хаоса. Базовое положение: в точке бифуркации

роль личности (ее воздействие на ход истории) возрастает, в равновесные периоды – уменьшается, начинают доминировать структурные зависимости. Великий человек оказывается почти «всесильным» в переходном состоянии и зависимым от социальной динамики – в равновесном.

Казалось, в решении вопроса о роли личности в истории синергетиками найдена если не гармония, то хотя бы консенсус сфер влияния личности и структур, выявлен некий порядок их взаимодействия: первая «работает» в неравновесном состоянии и точке бифуркации, вторая – в равновесном. Однако и такой подход, предложенный синергетиками, оказался несовершенным. Он не распространяется на прошлое в целом; сильно упрощает историческую действительность, противопоставляя равновесные и иные периоды. Поэтому нуждается в совершенствовании.

Модель «вызов-и-ответ» А. Тойнби и ее вклад в решение проблемы роли личности в истории

Рассмотрим и еще одну модель, возникшую в научном историческом познании XX века независимо от синергетики, где своеобразно трактуется вопрос о роли личности: «вызов-и-ответ» А. Тойнби. «Вызов» приходит либо из внешней социальной среды, либо от природной. На него любой цивилизации (социуму) приходится реагировать, искать адекватный «ответ». Скажем, если стране угрожает опустынивание, то нужно совершенствовать ирригационные сооружения. Если на границах государства появилось новое агрессивное кочевое племя, то следует усиливать качество вооруженных сил, политически интегрироваться перед этой угрозой. При отсутствии «ответа» данное общество может просто погибнуть (как Киевская Русь в XIII веке не смогла объединиться для отпора врагу прежде всего на уровне политической элиты – князей – и оказалась покорена кочевниками-монголами, уйдя в небытие). Механизм «вызов – ответ», по мнению А. Тойнби, позитивен, ибо заставляет человечество и отдельные цивилизации, народы развиваться. «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [29, с. 119–120].

«Ответ» на вызов, полагает А. Тойнби, формирует не все население, а его небольшая часть – «творческое меньшинство», которое «подтягивает» остальных (большинство) до собственного интеллектуального уровня [29, с. 259]. Впрочем, меньшинство тоже дифференцированно. Здесь особо выделяются «сильные личности» («гении», «сверхлюди») – «дрожжи в общем котле человечества» [29, с. 260]. В результате у А. Тойнби возникает схема роли личности в истории более совершенная, чем в предшествующих моделях. Здесь «великий человек» и его появление «вписано» в общественную динамику, является «ответом» на ее требование, «вызов», но «ответом» не безвольным (как считали многие объективисты), а деятельным. В тоже время значимая личность не замкнута в «темницу» переходного состояния, «точки бифуркации», как настаивают отдельные синергетики.

Тем самым А. Тойнби создал модель решения вопроса о роли личности в истории, имеющую эмпирическую предпосылку: внешняя природная и (или) социальная среда ставит перед обществом проблему («вызов»), которую оно должно решить или погибнуть (дать или не дать «ответ»). Из нее вытекают положения. Во-первых, «ответ» порождается деятельностью «творческого меньшинства» (в сравнении с населением страны). Во-вторых, данное «меньшинство» дифференцировано на «гениев», «сверхлюдей» и остальных (здесь А. Тойнби в специфической форме воспроизводит одно из положений субъективистской модели). В-третьих, данные субъекты и разрабатывают варианты «ответа». В-четвертых, постепенно количество «сверхлюдей» сокращается в силу естественных причин, социумом начинают «управлять» структуры. Значит, сфера действия великого человека – период разработки и реализации «ответа» на вызов внешней среды.

Разумеется, модель А. Тойнби тоже вызывает немало вопросов. Почему «великие личности» обречены оказываться в меньшинстве? Как складываются их отношения с творческим меньшинством в целом? Каковы механизмы принятия его варианта «ответа» на внешний вызов остальным якобы «пассивным» большинством? Всегда ли последнее ждет «ценных указаний» от личности, или иногда действует самостоятельно? Перед нами именно конструкция, идея, во многом недоработанная (ибо А. Тойнби изучал подробно иной объект − механизм происхождения цивилизаций, да и делал это в первой половине XX в. при соответству-

ющем уровне методологии гуманитарного познания), но эвристически полезная для дальнейшего использования.

Заключение

В целом на данный момент нет удовлетворительной модели решения проблемы роли личности в истории. Представляется, что в идеале в каждый исторический период личность и структуры должны взаимодействовать, а не «подчинять» себе друг друга, что выступает естественным для неклассической науки. Достаточно точно указанную мысль сформулировал на эмпирическом уровне Наполеон: «Я создал свой век сам для себя, так же, как и я был создан для него» [18, с. 74]. Однако в теории для практической реализации подобной установки предстоит сделать еще много. На указанном пути может помочь разработанный А. Тойнби механизм «вызов-и-ответ» (обязательно модернизированный под изучение данной проблемы) и иные неклассические методологические подходы, призванные преодолеть жесткое противопоставление по линиям «исторические субъект-структуры», «равновесные-неравновесные системы» (соответствующее уровню классической науки).

Позитивен и метод Плутарха [24–25], который не просто описывал жизнь отдельных великих людей Древних Греции и Рима (кроме правителей, подобных Александру Македонскому и Гаю Юлию Цезарю, сюда отнесены полководцы – Алкивиад и Г. Кориолан, ораторы, занимавшиеся политикой, – Демосфен, Цицерон и др.), а проводил сравнительный анализ их деяний по определенным основаниям (критериям). Примечательно, что мыслитель объединял таких людей в пары не только по страноведческому, но и по структурному принципу. Такая методология (соответствующим образом усовершенствованная с позиции современного научного и историософского познания) тоже может оказаться полезной в нынешних обстоятельствах.

Автор убежден, что только творческое соединение базовых положений различных рассмотренных в работе моделей, помноженное на междисциплинарную методологию неклассической науки, способно создать синтетическую концепцию решения обозначенной проблемы, лишенную хотя бы части недостатков предшествующих теоретических конструкций.

Вызывает интерес и набор персональных качеств, который позволил тем или иным личностям занимать доминирующее место в прошлом. Кроме позитивных (знания, интеллект, интуиция [19], уровень образованности [20]) здесь надо отметить и негативные (доносительство [21] и т. п.), которые целесообразно выделять не только по отдельности, но и комплексно.

Автор (признавая возможность иных путей) предлагает искать решение проблемы роли личности в истории через понятие «исторический отбор» [6] и построенную на его базе модель. Однако обоснование данного подхода – тема отдельной работы.

_____

1. Анисимов Е. В. История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. СПб. : Питер, 2007. 588 с.

2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2018. 304 с.

3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.

4. Гречко П. К. Концептуальные модели истории. М. : Логос, 1995. 144 с.

5. Диалектический и исторический материализм / под ред. С. М. Ковалева. М. : Политиздат, 1968. 392 с.

6. Душкова З. В., Нехамкин В. А. Роль личности в истории: современный взгляд. М. : Изд. Дом Душковой, 2011. 160 с.

7. Ивин А. А. Философия истории : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2000. 528 с.

8. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб. : Алетейя, 2000. 512 с.

9. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Наука, 1997. 285 с.

10. Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М. : КоЛибри, 2005. 638 с.

11. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1914. 575 с.

12. Карлейль Т. Теперь и прежде. М. : Республика, 1994. 415 с.

13. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутраха об Александре. М. : Изд-во МГУ, 1993. 464 с.

14. Комиссаров И. И., Нехамкин В. А. Модели в историческом познании: современное состояние, перспективы развития // История. 2017. № 2 (56). С. 22. URL: http://history.jes.su/s207987840001779-5-1 (дата обращения: 20.03.2018).

15. Комнина А. Алексиада. СПб. : Алетейя, 1996. 704 с.

16. Ласло Э. Век бифуркации. Постижение изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С. 3–125.

17. Лещенко В. Ветвящееся время. История, которой не было. М. : АСТ, 2003. 588 с.

18. Наполеон Бонапарт. Максимы и мысли узника Святой Елены. СПб. : Азбука, 2000. 220 с.

19. Нехамкин А. Н. Президент для будущей России. Проблема оптимального общественного выбора. Брянск : Брянск. обл. полиграф. объед., 2008. 527 с.

20. Нехамкин А. Н. Так что же нужно предпринять? // Alma mater (Вестник высшей школы). 1997. № 7. С. 5–7.

21. Нехамкин В. А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2. С. 63–79.

22. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 830 с.

23. Новиков В. И. Бог, цари и герои (мифы о правителях народа) // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 150–158.

24. Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т. 1. М. : Правда, 1987. 592 с.

25. Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т. 2. М. : Правда, 1987. 608 с.

26. Пригожин И., Стенгерс И. Время, Хаос, Квант. М. : Наука, 1994. 272 с.

27. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3–19.

28. Тойнби А. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991. 730 с.

29. Толстой Л. Н. Война и мир : в 4 т. Т. III–IV. М. : Эксмо, 2008. 736 с.

30. Философия истории : учеб. пособие / под ред. А. С. Панарина. М. : Гардарики, 2001. 432 с.

31. Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу 25 января 1894 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. : в 39 т. Т. 39. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1961. С. 174–177.

References

1. Anisimov E.V. (2007) Istorija Rossii ot Rjurika do Putina. Ljudi. Sobytija. Daty. St.Petersburg, Piter, 588 p. [in Rus].

2. Vallerstajn I. (2018) Mirosistemnyj analiz. Vvedenie. Moscow, URSS: LENAND, 304 p. [in Rus].

3. Gegel' G.V.F. (1993) Lekcii po filosofii istorii. St.Petersburg, Nauka, 480 p. [in Rus].

4. Grechko P.K. (1995) Konceptual'nye modeli istorii. Moscow, Logos, 144 p. [in Rus].

5. Dialekticheskij i istoricheskij materializm. Pod red. S.M. Kovaleva (1968). Moscow, Politizdat, 392 p. [in Rus].

6. Dushkova Z.V., Nehamkin V.A. (2011) Rol' lichnosti v istorii: sovremennyj vzgljad. Moscow, Izdatel'skij Dom Dushkovoj, 160 p. [in Rus].

7. Ivin A.A. (2000) Filosofija istorii. Uchebnoe posobie. Moscow, Gardariki, 528 p. [in Rus].

8. Iordan (2000) O proishozhdenii i dejanijah getov. St.Petersburg, Aletejja, 512 p. [in Rus].

9. Kapica S.P., Kurdjumov S.P., Malineckij G.G. (1997) Sinergetika i prognozy budushhego. Moscow, Nauka, 285 p. [in Rus].

10. Karacuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. (2005) Vybiraja svoju istoriju. «Razvilki» na puti Rossii: ot rjurikovichej do oligarhov. Moscow, KoLibri, 638 p. [in Rus].

11. Kareev N.I. (1914) Sushhnost' istoricheskogo processa i rol' lichnosti v istorii. St. Petersburg, Tipografija Stasjulevicha, 575 p. [in Rus].

12. Karlejl' T. (1994) Teper' i prezhde. Moscow, Respublika, 415 s. [in Rus].

13. Kvint Kurcij Ruf. (1993) Istorija Aleksandra Makedonskogo. S prilozheniem sochinenij Diodora, Justina, Plutraha ob Aleksandre. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 464 p. [in Rus].

14. Komissarov I.I., Nehamkin V.A. (2017) *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal Istorija*, no. 2 (56), p. 22, available at: http://history.jes.su/s207987840001779-5-1 (accessed 20.03.2018).

15. Komnina A. (1996) Aleksiada. St.Petersburg, Aletejja, 704 p. [in Rus].

16. Laslo Je. (1995) *Put'*, 1995, no. 7, pp. 3–125. [in Rus].

17. Leshhenko V. (2003) Vetvjashheesja vremja. Istorija, kotoroj ne bylo. Moscow, AST, 588 p. [in Rus].

18. Napoleon Bonapart (2000) Maksimy i mysli uznika Svjatoj Eleny. St. Petersburg, Azbuka, 220 p. [in Rus].

19. Nekhamkin A.N. (2008) Prezident dlja budushhej Rossii. Problema optimal'nogo obshhestvennogo vybora. Brjansk, Brjanskoe oblastnoe poligraficheskoe obedinenie, 527 p. [in Rus].

20. Nekhamkin A.N. (1997) *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)*, no.7, pp. 5-7. [in Rus].

21. Nekhamkin V.A. (2014) *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*, no. 2 (7), pp. 63–79. [in Rus].

22. Nicshe F. (1990) Soch.: v 2 t. T. 1. Moscow, Mysl', 830 p. [in Rus].

23. Novikov V.I. (2007) *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp.150–158. [in Rus].

24. Plutarh (1987) Izbrannye zhizneopisanija: v 2 t. T. 1. Moscow, Pravda, 592 p. [in Rus].

25. Plutarh (1987) Izbrannye zhizneopisanija: v 2 t. T. 2. Moscow, Pravda, 1987. 608 p. [in Rus].

26. Prigozhin I., Stengers I. (1994) Vremja, Haos, Kvant. Moscow, Nauka, 272 p. [in Rus].

27. Prigozhin I. (1989) *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 3–19. [in Rus].

28. Tojnbi A. (1991) Postizhenie istorii. Moscow, Progress, 730 s. [in Rus].

29. Tolstoj L.N. (2008) Vojna i mir: v 4 t. T. III–IV. Moscow, JeKSMO, 736 p. [in Rus].

30. Filosofija istorii. Uchebnoe posobie. Pod red. A.S. Panarina (2001). Moscow, Gardariki, 432 p. [in Rus].

31. Jengel's F. (1961) Pis'mo V. Borgiusu 25 janvarja 1894 g. // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 39. 2-e izd. Moscow, Politizdat, pp. 174–177. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A.
Models of the role of personality in history: achievements and limits //
Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 24–33.

UDC 123; 321.1

MODELS OF THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY: ACHIEVEMENTS AND LIMITS

Nekhamkin Valery Arkadyevich,
Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 119602,
Moscow, Nikulinskaya Street, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Annotation
The author reconstructs the models of solving the problem of the role of personality in history formed in the history of philosophy: subjective, objective, synergetic (bifurcational), "challenge-and-response". Their structure, strong and weak points, heuristic potential, and prospects are pointed out. There is a connection between the models of the role of personality in history and changes of scientific knowledge types (from classical science to neoclassical one). The author makes a conclusion that is necessary to synthesize basic principles of different models which is considered to be an important condition for adequate solution of the problem of the role of personality in history. To achieve his goals the author uses a combination of methods of modeling, synthesis, structural and functional analysis. The article is addressed to philosophers, anthropologists, scholars of the religion, historians, sociologists, and other scholars interested in the stated problem and its application to social-political and economic practice. It is also be useful for the development of science of power (cratology).

Key concepts:
model,
personality,
great personality,
problem of the role of personality in history,
historiosophy.